

КНИГА И ЧТЕНИЕ В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУРЫ

Научная статья
УДК 821.161.1
doi: 10.17223/23062061/35/4

СОВЕТСКИЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ РОМАН В ЗЕРКАЛЕ ИСТОРИЧЕСКОГО ИСТОЧНИКА («СУДЬБА ПЛЕЩЕЕВЫХ» А.Н. ГЛУМОВА И ПИСЬМА А.А. ПЛЕЩЕЕВА К В.А. ЖУКОВСКОМУ)

Светлана Вениаминовна Березкина¹

¹ *Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, Санкт-Петербург,
Россия, s.berezkina@mail.ru*

Аннотация. Рассмотрена трилогия А.Н. Глумова о судьбе А.А. Плещеева и его семьи как образец советского исторического авантюрного романа. Прослежен процесс формирования идейной концепции произведения в русле представлений о развитии революционного движения в России. Выявлены элементы сюжета об А.А. Плещееве как тайном вольнодумце, а также о его жене А.И. Плещеевой как жертве императора Павла I, продиктованные требованиями политической конъюнктуры. На примере переписки В.А. Жуковского проведен сравнительный анализ произведения с историческим источником, противоречащим идеологической константе сюжетных и образных построений А.Н. Глумова. Представлен ряд новых фактов из биографии А.А. Плещеева на основе его неопубликованных писем к В.А. Жуковскому.
Ключевые слова: советский исторический роман, А.Н. Глумов, А.А. Плещеев, В.А. Жуковский, исторический источник произведения, правда и вымысел, художественная биография

Для цитирования: Березкина С.В. Советский исторический роман в зеркале исторического источника («Судьба Плещеевых» А.Н. Глумова и письма А.А. Плещеева к В.А. Жуковскому) // Текст. Книга. Книгоиздание. 2024. № 35. С. 54–74. doi: 10.17223/23062061/35/4

BOOK AND READING IN CULTURE

Original article

SOVIET HISTORICAL NOVEL IN THE MIRROR OF A HISTORICAL SOURCE (*THE FATE OF THE PLESHCHEEV* BY ALEKSANDR GLUMOV AND LETTERS FROM ALEKSEY PLESHCHEEV TO VASILY ZHUKOVSKY)

Svetlana V. Berezkina¹

¹ *Institute of Russian Literature of the Russian Academy of Sciences,
Saint Petersburg, Russian Federation, s.berezkina@mail.ru*

Abstract. The article examines the Soviet historical trilogy by Aleksandr Glumov about the fate of Aleksey Pleshcheev (1778–1862) and his family; it was published by the publishing house Sovetskiy Pisatel' (*Young Freethinkers*, 1959; *At the Turn of the Century*, 1965; *The Fate of the Pleshcheevs*, 1973). The involvement of Pleshcheev's two sons in Decembrist societies prompted Glumov to present the history of this family as a reflection of the first stage of the development of the revolutionary movement in Russia (in accordance with Lenin's scheme). Pleshcheev, a music lover and composer, is depicted in the trilogy as a secret freethinker, accustomed to silence about his beliefs during his years of study at the St. Petersburg Jesuit boarding school. Anastasia Pleshcheeva, his wife, is represented by Glumov as a victim of Emperor Paul I's violence, which made her like-minded with her husband in hatred of the supreme power. The constructions associated with the central images of the trilogy are not confirmed by historical sources, with which Glumov was well acquainted. The creation of the trilogy was accompanied by a huge research work of its author in libraries and archives. Glumov was a well-known musicologist, as well as the director of musical and literary concert performances, which testified to his high educational and cultural level. In the trilogy, he managed to give a wide panorama of the life of Russian noble society at the end of the 18th – first quarter of the 19th centuries. In his memoirs, Glumov admitted that the depiction of many scenes, episodes, plot twists and historical figures was dictated not by the biography of the hero, but by the author's interest in various historical and cultural phenomena and personalities, primarily from the musical, theatrical and literary world. The freedom with which Glumov worked on the biography of the hero was focused on well-known literary samples and justified by the author's desire for creativity outside the narrow framework of historical verisimilitude. The trilogy was written as an adventurous historical novel with many events that did not exist in Pleshcheev's life. Nevertheless, the narrative of Pleshcheev's incredible adventures was combined with the use of archival documents, which were quoted for the first time on the pages of the trilogy. Thus, the article

presents evidence of Glumov's acquaintance with the unpublished letters of Aleksey Pleshcheev to Vasily Zhukovsky for 1809–1841. Glumov quoted excerpts from eight letters of the poet from 1812–1814. However, his attitude to this historical source was selective, and he did not use those letters that contradicted the ideological structure of the plot and figurative constructions of the trilogy. For example, the ridicule in Pleshcheev's letter about Zhukovsky's joining the militia in 1812 turned out to be inappropriate, as well as the call for him to immediately leave the theater of military operations and return to the family shelter. Glumov used another letter to date Pleshcheev's opera *Forced Marriage*, but did not mention the contents of this letter, which spoke of Pleshcheev's wife as a coquette, crossing out the novelist's constructions about the tragedy she allegedly experienced in the tsar's palace. Glumov's trilogy was intended for a highly educated reader, but could not fully satisfy him, since it left behind a lot of questions about the reality of a number of events presented in Pleshcheev's biography. This can explain the absence of reviews of the trilogy and references to it in research papers, since it is extremely difficult to separate genuine biographical events from fictional ones in the work.

Keywords: Soviet historical novel, Aleksandr Glumov, Aleksey Pleshcheev, Vasily Zhukovsky, historical sources of work, truth and fiction, artistic biography

For citation: Berezkina, S.V. (2024) Soviet historical novel in the mirror of a historical source (*The Fate of the Pleshcheevs* by Aleksandr Glumov and letters from Aleksey Pleshcheev to Vasily Zhukovsky). *Tekst. Kniga. Knigoizdanie – Text. Book. Publishing*. 35. pp. 54–74. (In Russian). doi: 10.17223/23062061/35/4

«Судьба Плещеевых» – так называется последний роман исторической трилогии советского музыковеда, актера, чтеца и режиссера А.Н. Глумова (подлинная фамилия Глухарев, 1901–1972). «Юные вольнодумцы», первая ее часть, вышла в 1959 г. (2-е изд. 1969), вторая – «На рубеже века» – в 1965 г., «Судьба Плещеевых» – в 1973 г. (2-е изд. 1982) [1–3]. Трилогия повествует о жизни А.А. Плещеева (1778–1862), композитора, виолончелиста, поэта и драматурга, члена общества «Арзамас». С его семьей был близок Н.М. Карамзин, посвятивший «Письма русского путешественника» Плещеевым, матери и отцу, в издании 1797–1801 гг. А.А. Плещеев был связан родственными и дружескими связями со многими видными представителями русской культуры того времени, что делает его фигуру интересной для исследователей (см. о нем: [4. С. 333; 5. С. 307]).

А.Н. Глумов был высокообразованным человеком, поэтому характеристика «чтец» применительно к его работам на концертной сцене не передает всей значительности осуществленных им художественно-культурных начинаний. Он осуществил литературно-музыкальные

постановки «Эгмонт» Гёте – Бетховена (1930), «Жан-Кристоф и Бетховен» по книгам Ромена Роллана (1930), «Вечер о Моцарте» по письмам композитора, воспоминаниям о нем и «Моцарту и Сальери» Пушкина (1931), «Лелио, или Возвращение к жизни» Берлиоза (1934), «Крейслериана» Гофмана – Энтелиса (1935), «Пер-Гюнт» Ибсена – Грига (1935), «Франческа да Римини» Данте – Чайковского (1945), «Берглиот» Бьёрнсона – Грига (1956) и др. Представления шли на лучших концертных площадках СССР при участии актерских и хоровых коллективов, инструментальных ансамблей и филармонических оркестров. Наибольший успех выпал на долю «Пер Гюнта», исполнявшегося на протяжении восемнадцати лет. Рассказывая в своих воспоминаниях о работе над этими постановками, Глумов останавливался на русских переводах, которые ему приходилось дополнять, перерабатывать, а иногда и писать заново, поскольку перевод не давал «полной слиянности текста с музыкой» [б. С. 240].

В области музыковедения Глумов выпустил книги, не потерявшие своего значения и донныне («Музыкальный мир Пушкина», 1950; «Музыка в русском драматическом театре (исторические очерки)», 1955). К А.А. Плещееву и замыслу романа о нем Глумова привел интерес к истории русской музыки, вознагражденный находкой нескольких его забытых романсов и оперных партитур. Жанр исторического романа был одним из самых востребованных в СССР, поскольку ему отводилась «огромная идейно-воспитательная роль» [7. С. 80]. В довоенное время исторические романы вызвали жаркие дискуссии, в центре которых стояла проблема исторической правды в литературном произведении [8]. Идеология превалировала в этих дискуссиях, поскольку критика определяла позицию автора в изображении общественно-политических движений и классовой борьбы как критерий верности или лживости картины, воссоздававшейся на страницах произведения. Еще в довоенное время Глумов демонстрировал умение находить соответствие историко-музыкальных и биографических сюжетов с концепцией мирового исторического развития, предлагавшейся в советской партийной печати. В своей брошюре для зрителей «Пер Гюнта» он так определял позицию Ибсена: «Драматург, бунтовавший против мещанской морали и лицемерия, страстно призывавший к бунту, но не знавший конкретно, к чему должен привести его бунт, потерявший старые идеологические устои и не нашедший новых, метавшийся всю жизнь между идеями социализма, анархии, мелкой буржуазии и капитализма, – Ибсен не мог стать подлинным революционером». Этот вывод не помешал Глумову дать глубокую характеристику произведению Ибсена, заключив ее словами о «художнике-реалисте,

оставившем нам в наследие непревзойденные картины глубочайшего интернационального значения» [9. С. 31, 40].

Трактовка событий, развивающихся в трилогии Глумова по основе биографии Плещеева, была задана ленинским учением о трех этапах освободительного движения в России. Заинтересовавшись А.А. Плещеевым, Глумов узнал, что его сыновья Алексей и Александр значатся в «Алфавите декабристов»¹, и решил, что история этого семейства как нельзя более подходит для романа, в котором он хотел попробовать свои силы [6. С. 391, 404]. По замечанию Б.В. Дубина, «именно <...> герои революционных переломов в истории России (такие, как Разин, Пугачев, декабристы, народовольцы) образуют проблемный центр советского исторического романа 1920-х, а во многом – 1930-х гг. и отчасти всех последующих десятилетий» [11. С. 9]. К движению сюжета в русле нарастающего освободительного движения Глумов, на наш взгляд, отнесся как к «монете», которую с готовностью отдал «кесарю». Однако встает вопрос: что же было оставлено им для высших сил как проявление вдумчивого отношения к судьбам своих героев? Не наступит ли вслед за сменой идеологических парадигм тот период, когда произведение потеряет свою ценность именно из-за ложной доминанты в изображении исторических персонажей? История трилогии Глумова весьма поучительна, если иметь в виду тот огромный массив знаний об эпохе конца XVIII – первой четверти XIX в., которым обладал автор и который он вложил в нее.

Работа над трилогией о Плещееве для Глумова облегчалась, как ни странно, тем, что биография его не была разработана. Именно этим мы объясняем отсутствие рецензий на нее. Молчали о трилогии Глумова и исследователи, хотя советскому историческому роману посвящено множество монографий, статей и диссертационных работ (около трех десятков!), в том числе по отечественной истории [12, 13]. Как давать оценку произведению сложному и яркому, но насыщенному головокружительными поворотами в жизни героя, в котором повествуется то о насилии

¹ Дело Алексея Плещеева [10. С. 55–60] было опубликовано намного позднее последней книги трилогии, в которой речь шла о декабристах. Глумов вспоминал о своем знакомстве в архиве с ответами братьев Плещеевых на вопросы Следственного комитета, настаивая на значительности отраженных в них убеждений, однако это было явным преувеличением, поскольку романисту нужно было обоснование «чудесных» обстоятельств их выхода из-под ареста. Глумов придумал для этого эффектный сюжетный ход – сообщение одной из представительниц рода Чернышевых лично Николаю I о якобы хранящемся в Лондоне письме с именем подлинного (венценосного!) отца Алексея Плещеева.

над его будущей женой графиней Анной Ивановной Чернышевой, учиненном Павлом I, то о бегстве в захваченную Наполеоном Москву его якобы тринадцатилетнего сына, горевшего желанием убить французского императора? Это подлинные события, хотя бы угаданные, если и не прочитанные в каких-то архивных документах (а Глумов прогремел на всю страну, когда в 1934 г. нашел в театральной библиотеке новый автограф Пушкина), или же плод фантазии писателя? Трилогия о Плещееве писалась Глумовым как авантюрный исторический роман. Этот жанровый тип имел глубокие литературные корни и был оправдан стремлением к творчеству вне «узких критериев неперемного исторического правдоподобия» [14. С. 80]. Неслучайно одним из наиболее успешных концертных начинаний Глумова была постановка в 1945 г. «Трех мушкетеров» А. Дюма, музыку для которой написал С.Н. Василенко. «В “Трех мушкетерах” хотелось мне отразить искрящуюся, клокочущую пеной веселости жизнь, – вспоминал Глумов. – Любовь, дружба, верность данному слову, безмерная преданность своей Франции... От любовной сцены – к кинжалу и шпаге, от дуэли к скачке на взмыленных конях, а дальше погоня, засада, убийство противника мимоходом, минутная остановка в заезжем кабачке <...> снова скачка, погоня, рана от пули из-за угла <...> Ламанш и опять дорога, дорога, дорога... Повествование получилось экспрессивным, стремительным, увлекательным» [6. С. 348]. Такого героя обрел Глумов в Александре Плещееве, украсив повествование о нем множеством необыкновенных событий, которых в действительности не было. Однако для того, чтобы добраться до вывода о нереальности того или иного приключения Плещеева, нужны порой значительные усилия, поскольку события и лица описаны в трилогии с большим мастерством¹.

Через четыре года после смерти Глумова появилась единственная его научная статья о Плещееве, вышедшая в соавторстве с Б.В. Доброхотовым, который, по-видимому, и довел ее до печати [16]. Посмертно, спустя пять лет, были опубликованы и воспоминания Глумова «Нестертые строки», в которых он рассказал и о своей работе над трилогией. Среди исторических источников Глумов особо отметил «большой архив неопубликованных писем Плещеева к Жуковскому» [6. С. 390], хранящийся в

¹ Эта же особенность творческого почерка Глумова отразилась и в его книге о Н.А. Львове (1751–1804), выпущенной посмертно в 1980 г. Углубленные занятия биографией Львова позволили современному исследователю охарактеризовать книгу Глумова как «беллетризованное жизнеописание», не имеющее достаточных документальных оснований и опирающееся на не критичное отношение к источникам [15. С. 104–105].

Рукописном отделе Пушкинского Дома [17]. Поскольку все письма Жуковского (а также Карамзиных, Протасовых, Киреевских и т.д.) погибли во время пожара усадьбы Плещеева, особую важность приобретает именно этот «большой архив», поскольку в нем мы находим ценнейшие сведения о жизни и творчестве как поэта, так и его приятеля. В работах Глумова были процитированы отрывки из восьми писем Плещеева к Жуковскому – за 1812-й (от 27 июля, 5 ноября, 1 декабря, 7 декабря), 1813-й (от 16 июня, конца июня, 14 декабря) и 1814 г. (от конца декабря) [3. С. 101–104; 16. С. 35–39]. Сведения о Плещееве и его окружении приводились Глумовым по письмам к поэту и без цитации. Здесь не могло обойтись без ошибок, поскольку в значительной части писем не было полных дат, приписки же на них домочадцев Плещеева делались неясным почерком и чаще всего по-французски. Если же иметь в виду, что Плещеев и Жуковский в 1809–1814 гг. (а к этому времени относится основная часть писем) находились в постоянных разъездах, во-первых, по близлежащим имениям своих родственников и друзей, а во-вторых, между Белевом, Орлом, Москвой, Петербургом и проч., приходится признать, что хронология, как и определение местонахождения героев переписки, – это сложнейшая проблема всего этого «большого архива». Впрочем, промахи Глумова при обращении к нему носили объективный характер, поскольку были оправданы тогдашним уровнем разработки научной биографии Жуковского (а биография Плещеева разрабатывалась и разрабатывается, главным образом, параллельно с ней). Сложнее обстоит дело с теми случаями, когда плещеевские письма были вполне понятны Глумову, но он уклонился от их использования – ради политической конъюнктуры, поскольку герои его произведения должны были копить негодование по поводу угнетающей их власти, представляя развитие революционного движения в России¹. И, конечно же, герой трилогии должен был обладать благородством борца с тиранией! Вспоминая о работе над трилогией, Глумов писал: «Редактор издательства В.М. Вилкова <...> с горячностью мне помогала советами, отодвигая, правда, театральную и музыкальную тему на второй и третий планы и требуя акценты на теме вольнодумства» [6. С. 396]². Несомненно, в ответ именно на эти «требования» Глумов ввел

¹ По мнению С.О. Шмидта, при рассмотрении художественных произведений на исторические темы «важно отмечать воздействие политической конъюнктуры» [18. С. 44].

² Речь идет о Валентине Михайловне Вилковой, переводчице (евр., каракалп.), с середины 1950-х гг. редакторе издательства «Советский писатель», впоследствии главном редакторе отдела русской прозы. Сложность взаимодействия с ней отмечалась в письмах и воспоминаниях многих советских писателей (см., например: [19.

в произведение эпизод жестокого подавления в 1796 г. фельдмаршалом князем Н.В. Репниным крестьянского восстания в селе Брасово Орловской губернии, «привязав» его к сюжету поисками Плещеева своей бывшей возлюбленной, крепостной крестьянки. Конечно же, она отказалась покинуть восставших и погибла, прижимая к себе маленького сына от него [2. С. 498–523].

Общественно-политическая тенденция искажила в произведении образы Плещеева и его жены. В 1811–1814 гг. Плещеев был для Жуковского (до отъезда поэта из родных краев в январе 1815 г.), пожалуй, самым близким и осведомленным другом. Поэт жил в это время в имении Муратово (или рядом с ним), принадлежавшем Е.А. Протасовой, его сестре по отцу, к семейству которой он был привязан любовью к ее дочери Маше, своей родной племяннице. В имении Плещеева Большая Чернь – в сорока верстах от Муратова – Жуковский очень часто бывал и подолгу жил там. Постоянно приезжал в Муратово и Плещеев со своей женой. Покойный муж Протасовой был братом матери Плещеева, поэтому Маша и Саша Протасовы приходились ему двоюродными сестрами, мать же их он называл своей «тетушкой». Свойственниками, таким образом, были и Плещеев с Жуковским. В Черни не только хозяин, но и хозяйка были с ним на «ты» (об этом можно судить по редким *русским* вкраплениям во французских приписках Плещеевой). Обожали Жуковского и все дети Плещеева, которых было шестеро. Неудержимая склонность Плещеева к буффонаде, различным шутивным представлениям и просто веселью, создававшим особую домашнюю атмосферу, пришлась по душе Жуковскому и дала толчок развитию «галиматьи», буквально расцветшей в его творчестве, что важно, на чернской почве. Откровенность их была обоюдной, и Жуковский был посвящен во многие тайны семейства Плещеева. К А.И. Плещеевой Жуковский относился с любовью и уважением и неоднократно оказывался в роли ее защитника от той дурной славы, которая тянулась за ней.

С. 83–84, 327–328]). К историческим романам, выпускавшимся советскими издательствами, вполне применимы горькие слова В.П. Козлова, историка и архивиста, о научных публикациях в СССР: «...уровень экспертизы исторического труда был не только его проверкой на “марксистско-ленинскую пригодность” выводов, но и одновременно перепроверкой предшествующих проверок» [20. С. 308]. Судя по материалам фонда А.Н. Глумова в РГАЛИ (Ф. 2420), среди рецензентов трилогии были видные советские ученые А.В. Западов, С.Б. Окунь, М.Я. Поляков. Участвовали в подготовке книг и внутренние рецензенты издательства, натасканные в идеологических битвах, подобно А.М. Лейтесу, литературному критику и борцу с космополитизмом.

Воспитанная в роскоши, дочь генерал-фельдмаршала графа И.Г. Чернышева, влиятельнейшего вельможи Екатерины II, она стала фрейлиной императрицы в 1792 г. в возрасте шестнадцати лет. Замужество Чернышевой носило скандальный характер. По распоряжению Павла I, который со времен своего президентства в Адмиралтейств-коллегии был связан самыми хорошими отношениями с И.Г. Чернышевым, ее фактическим главой, Анна Чернышева была выдана за Плещеева, будучи беременной. По сути дела, император выступил в роли ее отца, поскольку Чернышев к этому времени уже скончался. Кстати, единственная параллель в русской исторической романистике с сюжетом о Плещееве у Глумова обнаруживается в «исторической повести из времен императора Павла I» В.В. Крестовского «Деды» (1875), где он изображен среди приближенных гатчинского двора [22. С. 175–176].

Венчание Плещеевых состоялось 12 ноября 1798 г. [23. С. 147–148], после чего они поселились в Мурине, под Петербургом¹. Естественно, многих занимал вопрос о ее ребенке, родившемся в 1799 г., но ускользнувшем от внимания мемуаристов и исследователей (сведений о нем не имеется). Кто же был отцом ребенка? Глумов в своих воспоминаниях писал: «Узловая трагедия второго тома (Павел I и Анна Ивановна) опирается на достаточно веские доказательства, запрятанные и никем не замеченные в литературе» [6. С. 415]. Эти якобы «доказательства» и позволили автору трилогии сделать ненависть к царственному насильнику причиной сближения четы Плещеевых, ставших единомышленниками.

А.И. Плещеева представлена в произведении как романтическая, страдающая, чистая героиня, хотя в действительности это была увлекающаяся женщина, привыкшая жить в атмосфере флирта. Несмотря на опеку над огромным состоянием ее покойного отца (это препятствие могло быть устранено только по распоряжению Павла I), она получила очень хорошее приданое, на которое была построена во владениях мужа прекрасная новая усадьба, названная Большой Чернью. Плещеевы переехали туда зимой 1806–1807 гг., о чем можно судить по переписке Жуковского. В середине марта 1807 г. М.А. Протасова описывала приезд в Белев нескольких офицеров 132-го егерского полка, стоявшего в Белевском уезде, упомянув о Плещеевой: «... в полку адъютант *Крутых*, зовут его *Роман*. Влуплен <так!> в Анну Ив<ановну> и пишет к ней прежалобные письма.

¹ Дом в Мурине упоминается в письме Плещеева к Жуковскому от 18 июля 1817 г. в связи с необходимостью переезда в Петербург [17. Л. 22–22 об.]. В мемуарах встречаются сообщения о том, что Плещеева якобы была выслана после замужества в деревню, однако едва ли можно считать ссылкой ее жизнь с мужем в подгородном Мурине.

(Это я солгала.)»; Плещеев, однако, подхватил игривую тему, сделав тут же приписку: «Право, истинная правда, я уверен и плачу. О Роман, Роман, проклятый Роман» [24. Л. 2 об.].

Вслед за приездом Плещеевых в переписке Жуковского появляются упоминания о маскарадах (первое празднество такого рода, по-особому любимого Плещеевым, состоялось в Черни в начале мая 1807 г.) и, как ни странно, дуэлях: «Анна Ивановна велела тебе сказать, – писала Е.А. Протасова Жуковскому в Москву в июне 1807 г., – что она в отчаянии ото всех дуэлей, и просит тебя крепиться и не вступать ни в какие ссоры за нее» [25. Л. 13]. Жуковский внял совету, но, судя по его переписке, впоследствии узнал от Плещеева и об обстоятельствах его женитьбы, и о последующих увлечениях Нины (так звал ее муж). Весьма откровенное письмо Плещеева о ней читал в архиве и Глумов, определивший по нему время создания одной из его опер и датировавший ее 1813 годом [16. С. 72]. Письмо это, однако, было написано несколько раньше, в конце мая 1812 г., что позволяет уточнить время написания оперы, которую упомянул Плещеев: «Любезный мой Жуковятников! Поздравляю тебя с рождением того именинника, который верно *будет когда-нибудь... что-нибудь!* Это слова той цыганки, которая в принужденной женитьбе мне рога предсказала, а тебе велела меня любить и верить моей к тебе дружбе» [17. Л. 52–52 об.]. Плещеев говорит о своем собственном дне рождения, относя к себе и высказывание цыганки из комедии Ж.-Б. Мольера «Брак по-неволле» («Le Mariage forcé», 1664, 1668): «...из человека с таким лицом что-нибудь когда-нибудь да выйдет» [26. С. 70] (цитата, вероятнее всего, намекала на амбиции Плещеева в области музыкального сочинительства). Впервые изданная в русском переводе В.Е. Теплова в 1779 г. под названием «Принужденная женитьба», комедия Мольера под ним же фигурировала в дореволюционной России и в дальнейшем. Это название использовал и Плещеев при создании комической оперы, либретто которого, приуроченное к русским нравам, было им же самим и написано [16. С. 62–65]. Опера Плещеева была поставлена только однажды в 1819 г. – в бенефис Екатерины Семеновны как дивертисмент после спектакля «Медя» с ее участием (через два года после смерти жены композитора).

Отношения Плещеева с Жуковским были весьма доверительными. Именно его Плещеев попросил остановить в Москве разговоры П.А. Вяземского о своем романе с Ниной: «Минутная ошибка, произведенная обстоятельствами и горячею кровью, – писал Жуковский Вяземскому в первой половине октября 1811 г., – не должна разрушать семейственного счастья» [21. С. 134]. 6 ноября он еще раз писал ему о Плещеевой как о «милой женщине, которая всегда выиграет в коротком знакомстве»:

«Узнав ее короче, я натурально не мог не надивиться *тому, что случилось*, и не найти его совершенно несходным с тем, что вижу, – надобно было все оправдать минутным заблуждением ума, помраченного слишком горячим темпераментом. Человек, не со всех сторон правый, может еще со многих сторон заслуживать и любовь, и уважение» [21. С. 138]. Жуковский просил Вяземского уничтожить письма Плещеевой, и, по-видимому, тот выполнил его просьбу.

Постановка «Принужденной женитьбы» была со стороны Плещеева шагом вызывающим, поскольку напоминала о памятном в Петербурге эпизоде из жизни графини Чернышевой. Героиня комедии Мольера, состряпавшая «принужденную женитьбу», была завятой кокеткой, окруженной многочисленными поклонниками и стремившейся к беспрепятственному продолжению своей веселой жизни после замужества. Известие о постановке «Принужденной женитьбы», полагаем, не могло понравиться графу Г.И. Чернышеву, который был поручителем на венчании своей сестры с Плещеевым. Чернышев с семейством жил в имении Тагино в нескольких верстах от Орла, имел он в Орле и дом, в котором Плещеевы, приезжая туда, останавливались. В письмах к Жуковскому Плещеева содержатся упоминания о его контактах с семейством Г. И. Чернышева, однако после смерти Нины они исчезают. Нину, пока она была жива, поддерживали Чернышевы, но граф М.Д. Бутурлин в воспоминаниях о них очень сухо охарактеризовал Плещеева, подчеркнув, что его дочери не составили себе хорошей партии [27. С. 43–44]. Обстоятельства замужества Анны Ивановны, по рождению принадлежавшей к высшему кругу, были несмываемым пятном для ее детей.

Глумов, как и другие авторы, не сомневался, что Алексей, первый сын в семействе Плещеева, был ребенком, прижитым женой не от мужа. Дата его рождения была обнародована краеведом по метрическим книгам петербургских церквей: Алексей родился 1 ноября 1801 г. [28. С. 162], т.е. через три года после венчания Плещеевых. На наш взгляд, необходимо сохранить за Алексеем 1801-й как год его рождения, вопреки мнениям декабристоведов, настаивающих на том, что в следственном деле Плещеева 1-го, члена Северного общества и петербургской ячейки Южного общества, год не назван, и поэтому определявших его временем «около 1800» [29. С. 143]. В действительности же, Алексей год своего рождения в показании Следственной комиссии назвал, но он не был замечен комментаторами. По сообщению Плещеева 1-го, до пятнадцати лет он жил безвыездно в родительском доме, после чего приехал в Петербург и был принят в Корпус инженеров путей сообщения, который оставил через год, поступив в лейб-гвардии Конный полк [10. С. 59]. Все было именно так:

в августе 1817 г., когда Алексей приехал с отцом в столицу, ему было еще пятнадцать лет¹.

Вяземский в 1811 г. удивлялся тому, как мог Жуковский дружески сойтись с Плещеевым: «Не понимаю, почему короткость моя с Плещеевым тебя удивляет! – писал ему поэт – И какие догадки можешь ты делать насчет этого знакомства! И отчего теряешься в недоумениях. Плещеев добрый малый, умный, приятный, и мне нравится» [21. С. 138]. Действительно, Плещеев, сибарит и весельчак, был очень далек от возвышенных умонастроений Жуковского. Вот характерный пример – реакция двух приятелей на манифест Александра I от 6 июля 1812 г., по которому Россия поднялась, чтобы дать отпор наполеоновской армии. Жуковский тут же записался в ополчение и уехал в Москву. Осенью 1812-го он приезжал в командировку в Орел, после чего, погостив у Плещеева, опять отбыл в армию. 5 ноября 1812 г. Плещеев написал ему вслед: «...если есть какой-либо способ, то выкарабкайся из Армии. <...> Здесь ждут тебя два твои семейства (имеются в виду Протасовы и Плещеевы. – С.Б.), которые, право, не могут быть без тебя совершенно счастливы. Как можно, для каких-либо странных идей чести или черт знает чего <...> жертвовать бесполезно всем!.. Здоровьем и проч. <...> Когда люди будут только то, что они есть! Когда перестанут самих себя обманывать...» [17. Л. 7 об.]. В сходной стилистике было написано и письмо от 27 июля 1812 г. с откликом завсегдатаев дома Плещеева на известие о вступлении Жуковского в ополчение. Вот ироничный комментарий к нему В.И. Губарева, соученика Жуковского по московскому Университетскому благородному пансиону: «Поздравляю тебя, мой друг! И подлинно ты хорошо вздумал!

¹ Сохранились два детских письма старшего сына Плещеева к Жуковскому 1812 г., одно из которых могло вдохновить Глумова на сочинение эпизода о его бегстве в захваченную Наполеоном Москву: «Милый мой друг. Скучно без вас, мне спокойно, если вы в Армии. Я бы хотел, когда вы приедите туда, то чтоб за вашу храбрость получить <вам> чин Капитана. Хорошо бы было, если б вы убили Французского императора. Мне очень жаль, что я мал. Я бы дрался подле вас, мы бы шли вместе как Гастон и Баяр. Я вас люблю, как Баяр любил Гастона, но наша любовь сильнее их. Я вас люблю, как Кастор любил Полюкса, как Пилад любил Ореста <...> Мой друг, будь уверен, что сколько моя жизнь будет продолжаться, то все не позабуду вас и все любить вас буду. <...> Ах! жаль! жаль! в армию не могу идти, мы друг друга <так!> спасли бы жизнь. <...> Прощай, любезный друг, будь здоров. Твой верный друг Алексей Плещеев» [30. Л. 1].

Надо служить Отечеству! Я видел и мундир Московского ополчения! видел Бодиско казака!¹ Да еще полицейского офицера, который вошел в козаки. Славной мундир! Какие киверы! с мехом! право с мехом! и в мехе вензель. Славные киверы! А сабли? Сабли стальные! славные сабли! У офицеров пистолеты! большие такие! однако, брат, пистолеты у седла в ташках, а на себе их не носят. Мундир синий, с разными лацканами: у кого голубые, у кого красные! Дай Бог тебе счастья, любезный друг! Прости и помни нас!» [17. Л. 5].

Старательно выводя из ранних лет декабристскую линию в своей трилогии, Глумов собирал под кровом дома Плещеевых молодежь из разных семейств, в том числе Чернышевых, будущих членов тайных обществ, которые якобы подолгу гостили у них. Нам не удалось обнаружить упоминаний о такого рода событиях в Черни. Напротив, на сообщение о возможном приезде в Чернь Жуковского с П.Ф. Вадковским, прапорщиком л.-гв. Семеновского полка, Плещеева ответила в письме от 7 декабря 1812 г., что с самого начала была уверена: ее племянник, сын сестры Е.И. Вадковской, урожд. графини Чернышевой, к ним не приедет [17. Л. 12 об.].

Картина жизни Плещеева ни на одном из ее этапов не укладывалась в русло замысла Глумова о «вольнодумце». Подтверждений этому не было ни в мемуаристике, ни в эпистолярной, и романистом был изобретен такой прием: будучи воспитанником петербургского иезуитского пансиона, Плещеев навсегда усвоил линию жизненного поведения, связанную с безоговорочным молчанием о своих убеждениях. Именно под этой завесой Глумов-романист «обнаруживал» истинные настроения своего героя. Плещеев с женой перенесли в свою тульскую усадьбу образ жизни приближенной ко двору знати с праздниками и маскарадами, концертами и спектаклями. В 1812 г. общество было оживлено присутствием пленных французских офицеров. Плещеев, владевший хорошим крепостным оркестром, писал музыку и ставил оперы, жена его пела. После сближения с

¹ Имеется в виду К.А. Бодиско (1791–1860), поступивший в 1812 г. в 3-й Украинский казачий полк корнетом. Губарев описывает далее мундир офицера Украинского казачьего войска: темно-синий полукафтан, лацканы голубые в 3-м полку, красные во 2-м полку, шапка из черного медвежьего меха, под вальтрапом (т.е. под чепраком) два пистолета в кобурах (у Губарева: «...пистолеты у седла в ташках, а на себе их не носят»). Отрывок о мундирах был напечатан Глумовым, приписавшим его Плещееву [3. С. 50], с последующим комментарием: «По литературному стилю Плещеев приближается здесь к прозе Гоголя (описание бекеша Ивана Ивановича), предвосхищая его манеру» [16. С. 36]. У Губарева, однако, был иной стилистический ориентир – традиция использования слова «славный» в русской сатире, ярко проявившаяся в творчестве Н.И. Новикова (например, в журнале «Живописец», 1772–1773).

Жуковским занятия Плещеева-композитора, возвращавшиеся с конца 1790-х гг. вокруг комедийных опер и водевилей, сосредоточились на его стихах¹. В провинции музыка Плещеева пользовалась неизменным успехом², чего нельзя сказать о времени после его переезда в Петербург. Сообщения о восторгах по поводу музыкальных сочинений Плещеева встречаются только в его переписке. Трижды были поставлены на петербургской сцене спектакли с музыкой Плещеева – пресса о них молчала или же отзывалась негативно³. В 1832 г. вышли «Баллады и романсы В.А. Жуковского, положенные на музыку для фортепьяно А.А. Плещеевым», две части которых характеризовались рецензентом в следующих выражениях: «...столько смешных музыкальных фигур, что можно счесть за пародию»; «...разногласие музыкальной мысли или, лучше, выражения со смыслом слов!» [34]; «...беспрестанные перемены тонов и темпов, смешна звукоподражательная музыка!» [35].

После смерти жены от чахотки в 1817 г. Плещеев сразу же вернулся в Петербург и окунулся в родную ему стихию – жизнь светскую и придворную. Жуковский, ставший к тому времени учителем русского языка великой княгини Александры Федоровны, будущей императрицы, помог ему в обустройстве детей в Петербурге. Бесконечными были обращения Плещеева к Жуковскому по поводу своей службы, финансовых нехваток и сглаживания разного рода скандальных обстоятельств⁴. Жуковский помнил, как в пору бедствий и неустройства помогал ему Плещеев, поэтому не оставлял его без помощи. Дела Плещеева после смерти жены не просто вернулись к тому же незавидному положению, которое было у него до женитьбы, но еще и ухудшились. Состояние жены унаследовали сыновья, он же был разорен своим управляющим О.П. Букильоном, в недавнем

¹ См. список музыкальных произведений Плещеева (романсов, баллад, театральной музыки): [16. С. 71–72]; отметим, что список изобилует ошибками в датировке литературных сочинений Жуковского.

² См. сообщение в орловском журнале об исполнении оперы Плещеева «Тюремкин» (1816), доставившей «приятное удовольствие для публики» [31].

³ Например, о «Нечаянных женихах» (1837) в Александринском театре: «Музыка монотонная, с большими претензиями и вовсе не водевильная» [32]. Об откликах на музыкальные сочинения Плещеева см.: [33. С. 123].

⁴ 26 марта 1841 г., в последнем из известных писем к Жуковскому, Плещеев не удержался от напоминаний о былом, как и в других своих письмах, где обращался к нему с просьбами: «...любезный друг и брат, я надеюсь, что ты не откажешь сказать за меня слово! Сказать слово за того, которого ты видел прежде в селе Черни, дающего <так!> праздники... а теперь в шестьдесят лет и более видишь его лишенного почти самого нужного для существования» [17. Л. 48 об.].

прошлом смешным длинноногим персонажем стихотворений Жуковского и Плещеева, с которым, похоже, вполне справлялась Плещеева и, возможно, кто-то из Чернышевых, помогавших ей. Тамбовское имение Плещеев потерял, оставшись со старой тульской усадьбой Знаменское, некогда принадлежавшей его матери.

Служба в Петербурге Плещееву не задалась. В 1819–1820 гг. он служил в дирекции императорских театров, а в 1821 г. стал чтецом вдовствующей императрицы, но вскоре был вынужден оставить это место из-за скандала, связанного с какой-то любовной историей («Стыдно, грустно, скучно! Боюсь с ума сойти, тогда и поделом из Павловска прогонят <...> Неужели императрица будет неумолима?») [17. Л. 38–38 об.] – вопрошал Плещеев в недатированном письме к Жуковскому, побуждая его хлопотать за него, поскольку ему угрожала высылка из Петербурга). После этого камергер Плещеев получил место чиновника «при министре внутренних дел по особым поручениям», где и служил в 1822–1828 гг. [36. С. 8, 425]. С 1829 г. его имя исчезло и из списка камергеров, и из штата МВД. Глумов приводил заведомо ошибочные сведения о якобы успешной службе Плещеева сначала в таможенном ведомстве, а затем в экспедиции диспозитной кассы [16. С. 55, 57], приписав отцу служебную карьеру сына, Александра Александровича Плещеева, служившего с 1828 г. в Министерстве финансов¹. Это было сознательное искривление биографии, поскольку «вольнодумец», конечно же, не мог служить чиновником при министре внутренних дел. С 1829 г. Плещеев постоянно отправлял Жуковскому письма с просьбами о протекции по устройству на службу. В 1832 г. ему удалось получить какое-то место, по-видимому, вне штата (в «Адрес-календарях» оно не отражено), но к 1840 г. оно перестало его удовлетворять. Последовали новые просьбы к Жуковскому о протекции то к управляющему Морским министерством, то к министру финансов [17. Л. 48]. Эти хлопоты успеха не имели. Последние годы Плещеев доживал в Знаменском со второй женой-полькой, с которой судьба свела его, по-видимому, еще в 1820-х гг. Он восхищался ее хозяйствованием, называя «женой-кормилицей».

Желание Глумова представить Александра Плещеева в виде «вольнодумца» не имело под собой реальных оснований. Значит ли это, что трилогия о нем полностью устарела? Вовсе нет, поскольку она имеет два серьезных достоинства. Во-первых, это самая подробная, несмотря на все

¹ Верные сведения см.: [4. С. 333]. Ошибочные сведения о служебной карьере Плещеева-отца попали, к сожалению, во многие издания.

заведомые искривления, биография Александра Плещеева¹, а во-вторых, это захватывающе-интересное произведение, написанное талантливым писателем. «Создавая художественный образ того или иного персонажа трилогии, – писал Глумов, – я типично по-актерски “влезал в его шкуру”, перевоплощался в него. Оттого мне легко давались диалоги, что отмечалось не раз объективными критиками» [6. С. 404]. Глумов признавался, что изображение в произведении многих и многих сцен, эпизодов, поворотов сюжета и исторических лиц было продиктовано не биографией героя, а его любовью и интересом к разного рода историко-культурным явлениям и личностям (в первую очередь из музыкально-театральной и литературной сферы). Какому же читателю предназначалась его трилогия? Исторические повести и романы советского времени писались для всех возрастов, начиная с младшего школьного, поскольку культурная работа в СССР должна была носить всеохватывающий характер. Трилогия о Плещееве предназначалась читателю высокообразованному, с большими интеллектуальными запросами. Сокровища обширных знаний были собраны для него в трилогии, но мог ли он быть вполне удовлетворен ею? Едва ли, поскольку в сюжете и образных построениях этого сочинения были скрыты для него преткновения в виде огромного излишка фантазийного элемента, способного поставить в тупик самого образованного читателя. На наш взгляд, Глумов писал трилогию, полагая, что никто и никогда не перечитает, например, писем Плещеева и его жены к Жуковскому, хранящихся в архиве. «Привыкнув к научной работе, – утверждал Глумов, – я не позволял себе отступлений от подлинных фактов» [6. С. 415]. Тем не менее факты свидетельствуют, что ни Плещеев не был «вольнодумцем», ни его жена – благородной жертвой тирана.

Огромная изыскательская работа автора в библиотеках и архивах оказалась брошенной в топку идеологии. В трилогии Глумова не было ищущей, выстраданной авторской мысли, которая соединяет воедино исторические эпизоды и драматические сцены, придавая произведению злободневность. Идеи государственного строительства, «державства», выходявшие на передовые рубежи в советской исторической романистике 1970–1980-х гг., потеснили учение о трех этапах развития революционной борьбы в России. Трилогия Глумова выглядела устаревшей уже в момент появления последнего его романа. В итоге трилогия из жизни русского дворянского общества конца XVIII – начала XIX в. была забыта,

¹ По замечанию С.О. Шмидта, «некоторые художественные произведения исторической тематики <...> содержат наблюдения, полезные и для научного ее исследования» [18. С. 44].

хотя и заслуживала внимания как своеобразный образец советского исторического романа.

Список источников

1. Глумов А.Н. Юные вольнодумцы : Исторический роман. М. : Сов. писатель, 1959. 614 с.
2. Глумов А.Н. На рубеже века : Исторический роман. М. : Сов. писатель, 1965. 708 с.
3. Глумов А.Н. Судьба Плещеевых : Исторический роман. М. : Сов. писатель, 1973. 544 с.
4. Черейский Л.А. Пушкин и его окружение : Словарь-справочник. 2-е изд., доп. и перераб. Л. : Наука, 1988. 544 с.
5. Ямпольский И.М. Плещеев Александр Алексеевич // Музыкальная энциклопедия : в 6 т. / гл. ред. Ю.В. Келдыш. М. : Сов. энциклопедия, 1978. Т. 4 : Окунев-Симович. С. 307.
6. Глумов А.Н. Нестертые строки. М. : Всерос. театр. о-во, 1977. 422 с.
7. Оскоцкий В.Д. Роман и история : Традиции и новаторство советского исторического романа. М. : Худож. лит., 1980. 384 с.
8. Акимова А.С. «Зажечь критическую мысль» : дискуссии 1934–1935 гг. о романе А.Н. Толстого «Петр Первый» // Литературный факт. 2023. № 3 (29). С. 280–292.
9. Глумов А.Н. Пер Гюнт : Муз.-драмат. поэма. Текст Генрика Ибсена; муз. Эдварда Грига. 2-е изд., расшир. и доп. Л. : Гос. филармония, 1936. 40 с.
10. Восстание декабристов : документы / подгот. К.Г. Ляшенко, С.А. Селиванова. М. : Наука, 1984. Т. 18. 368 с.
11. Дубин Б.В. Семантика, риторика и социальные функции «прошлого» : к социологии советского и постсоветского исторического романа. М. : ГУ ВШЭ, 2003. 42 с.
12. Гордина Е.Д. Роль исторического романа советских писателей в утверждении в массовом сознании официальной концепции истории в 1930-е – первой половине 1940-х годов : дис. ... д-ра ист. наук. М., 2012. 415 с.
13. Гордина Е.Д. Государственные премии как форма официальной пропаганды исторической проблематики в советской литературе и искусстве в начале 1940-х годов // Приволжский научный журнал. 2014. № 2 (30). С. 219–223.
14. Туниманов В.А. Правда историческая и правда художественная // Русская литература. 1982. № 2. С. 79–82.
15. Лаппо-Данилевский К.Ю. Итальянский маршрут Н.А. Львова в 1781 г. // XVIII век / ИРЛИ РАН. СПб. : Наука, 2019. Сб. 19. С. 102–113.
16. Глумов А.Н., Доброхотов Б.В. Александр Плещеев // Музыкальное наследство : сборники по истории музыкальной культуры СССР. М. : Музыка, 1976. Т. 4. С. 28–72.
17. Письма А.А. Плещеева к В.А. Жуковскому, 1809–1841 // РО ИРЛИ. № 28207. 38 писем. 72 л.
18. Шмидт С.О. Памятники художественной литературы как источник исторических знаний // Отечественная история. 2002. № 1. С. 40–49.

19. Стругацкие. Материалы к исследованию : письма, рабочие дневники, 1967–1971 / сост. С. Бондаренко, В. Курильский. Волгоград : ПринТерра-Дизайн, 2013. 734 с.
20. Козлов В.П. Разговор двух историков // Вестник архивиста. 2011. № 2. С. 302–311.
21. Жуковский В.А. Полное собрание сочинений и писем : в 20 т. / гл. ред. А.С. Янушкевич. М. : ЯСК, 2018. Т. 15. 1085 с.
22. Русская историческая повесть : в 2 т. / [сост., вступ. ст., коммент. Ю.А. Беляева]. М. : Худож. лит., 1988. Т. 2. 814 с.
23. Афанасьев С.И. «Друзья мои...» (Новые биографические сведения о лицах пушкинского окружения из метрических книг петербургских православных храмов конца XVIII – начала XIX в.) // Временник Пушкинской комиссии / отв. ред. В.П. Старк. СПб. : Наука, 2005. Вып. 30. С. 142–151.
24. Письма Е.А., М.А., А.А. Протасовых и др. к Жуковскому, 1808–1812 // НИОР РГБ. Ф. 104. Карт. 8. № 17. 13 писем. 24 л.
25. Письма Е.А., М.А. и А.А. Протасовых к Жуковскому, 1803–1807 // НИОР РГБ. Ф. 104. Карт. 8. № 16. 14 писем. 26 л.
26. Мольер Ж.-Б. Комедии / вступ. ст. и примеч. Г. Бояджиева. М. : Худож. лит., 1972. 662 с.
27. Записки графа М.Д. Бутурлина, 1824–1827 // Русский архив. 1897. Кн. 2, № 5. С. 5–74.
28. Афанасьев С.И. «Друзья мои...» (Новые биографические сведения о лицах пушкинского окружения из метрических книг петербургских православных храмов конца XVIII – начала XIX в.) // Временник Пушкинской комиссии. СПб. : Наука, 2004. Вып. 29. С. 152–169.
29. Декабристы : Биографический справочник / изд. подгот. С.В. Мироненко. М. : Наука, 1988. 448 с.
30. Письма Алексея Александровича и Александра Александровича Плещеевых к В.А. Жуковскому // РО ИРЛИ. № 28208. 2 письма. 2 л.
31. О<рля->О<шменец> Ф.Ф. Разные увеселения // Друг россиян и их единоплеменников обоего пола, или Орловский российский журнал. 1816. № 5. С. 91
32. П. М. [Юркевич П.И.] Александринский театр // Северная пчела. 1837. № 105. С. 417.
33. Музыкальная библиография русской периодической печати XIX века / сост. Т. Ливанова. М. : Музгиз, 1963. Вып. 2 : 1826–1840. 269 с.
34. N.N. Музыкальная библиография. Баллады и романсы В.А. Жуковского, положенные на музыку для фортепьяно А.А. Плещеевым. Часть I // Молва. 1832. № 25. С. 97.
35. N.N. Музыкальная библиография. Баллады и романсы В.А. Жуковского, положенные на музыку для фортепьяно А.А. Плещеевым. Часть II // Молва. 1832. № 41. С. 163.
36. Месяцослов с росписью чиновных особ, или Общий штат Российской империи на лето 1828 от Рождества Христова. 1828. СПб. : Императорская Академия Наук, 1828. Часть 1-я.

References

1. Glumov, A.N. (1959) *Yunye vol'nodumtsy: Istoricheskiy roman* [Young Freethinkers: A historical novel]. Moscow: Sovetskiy pisatel'.
2. Glumov, A.N. (1965) *Na rubezhe veka: Istoricheskiy roman* [At the Turn of the Century: A historical novel]. Moscow: Sovetskiy pisatel'.
3. Glumov, A.N. (1973) *Sud'ba Pleshcheevykh: Istoricheskiy roman* [The Fate of the Pleshcheevs: A historical novel]. Moscow: Sovetskiy pisatel'.
4. Chereyskiy, L.A. (1988) *Pushkin i ego okruzhenie* [Pushkin and his Entourage]. A Reference Dictionary. 2nd ed. Leningrad: Nauka.
5. Yampolskiy, I.M. (1978) Pleshcheev Aleksandr Alekseevich. In: Keldysh, Yu.V. (ed.) *Muzykal'naya entsiklopediya* [Music Encyclopedia]. Vol. 4. Moscow: Sov. entsiklopediya. p. 307.
6. Glumov, A.N. (1977) *Nestertye stroki* [Non-erased Lines]. Moscow: Vserossiyskoe teatral'noe obshchestvo.
7. Oskotskiy, V.D. (1980) *Roman i istoriya: Traditsii i novatorstvo sovetskogo istoricheskogo romana* [Novel and History: Traditions and Innovation of the Soviet Historical Novel]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.
8. Akimova, A.S. (2023) "Zazhech kriticheskuyu mysl'": Diskussii 1934–1935 gg. o romane A.N. Tolstogo "Petr Pervyy" ["To ignite a critical thought": Discussions of 1934–1935 about Aleksey Tolstoy's novel "Peter the First"]. *Literaturnyy fakt*. 3(29). pp. 280–292.
9. Glumov, A.N. (1936) *Per Gyunt: Muz.-dramat. poema. Tekst Genrika Ibsena; muz. Edvarda Griga* [Peer Gynt: A musical-dramatic poem. Text by Henrik Ibsen; music by Edvard Grieg]. 2nd ed. Leningrad: Gos. filarmoniya.
10. Lyashenko, K.G. & Selivanova, S.A. (eds) (1984) *Vosstanie dekabristov: dokumenty* [The Decembrists Uprising: documents]. Vol. 18. Moscow: Nauka.
11. Dubin, B.V. (2003) *Semantika, ritorika i sotsial'nye funktsii "proshlogo": k sotsiologii sovetskogo i postsovetskogo istoricheskogo romana* [Semantics, rhetoric, and social functions of the "past": To the sociology of the Soviet and post-Soviet historical novel]. Moscow: HSE.
12. Gordina, E.D. (2012) *Rol' istoricheskogo romana sovetskikh pisateley v utverzhdenii v massovom soznanii ofitsial'noy kontseptsii istorii v 1930-e – pervoy polovine 1940-kh godov* [The role of the historical novel of Soviet writers in the approval of the official concept of history in the mass consciousness in the 1930s – the first half of the 1940s]. History Dr. Diss.
13. Gordina, E.D. (2014) Gosudarstvennye premii kak forma ofitsial'noy propagandy istoricheskoy problematiki v sovetskoy literature i iskusstve v nachale 1940-kh godov [State prizes as a form of official propaganda of historical issues in Soviet literature and art in the early 1940s]. *Privolzhskiy nauchnyy zhurnal*. 2(30). pp. 219–223.
14. Tunimanov, V.A. (1982) Pravda istoricheskaya i pravda khudozhestvennaya [Historical Truth and Artistic Truth]. *Russkaya literatura*. 2. pp. 79–82.
15. Lappo-Danilevsky, K.Yu. (2019) Ital'yanskiy marshrut N.A. L'vova v 1781 g. [The Italian route of N.A. L'vov in 1781]. In: Kochetkova, N.D. (ed.) *XVIII vek* [The 18th Century]. Vol. 19. St. Petersburg: Nauka. pp. 102–113.

16. Glumov, A.N. & Dobrokhotoy, B.V. (1976) Aleksandr Pleshcheev. In: *Muzykal'noe nasledstvo: sborniki po istorii muzykal'noy kul'tury SSSR* [Musical Heritage: Collections on the History of Musical Culture of the USSR]. Vol. 4. Moscow: Muzyka. pp. 28–72.

17. Pleshcheev, A.A. (1809–1841) *Pis'ma A.A. Pleshcheeva k V.A. Zhukovskomu, 1809–1841* [Letters from A.A. Pleshcheev to V.A. Zhukovsky]. The Department of Manuscripts, Institute of Russian Literature. No. 28207.

18. Schmidt, S.O. (2002) Pamyatniki khudozhestvennoy literatury kak istochnik istoricheskikh znaniy [Monuments of fiction as a source of historical knowledge]. *Otechestvennaya istoriya*. 1. pp. 40–49.

19. Bondarenko, S. & Kuril'skiy, V. (2013) *Strugatskie. Materialy k issledovaniyu: pis'ma, rabochie dnevniki, 1967–1971* [The Strugatskys. Materials for the study: letters, work diaries, 1967–1971]. Volgograd: PrinTerra-Design.

20. Kozlov, V.P. (2011) Razgovor dvukh istorikov [A Talk of of Two Historians]. *Vestnik arkhivista*. 2. pp. 302–311.

21. Zhukovsky, V.A. (2018) *Polnoe sobranie sochineniy i pisem v 20 t.* [Complete Works and Letters in 20 vols.]. Vol. 15. Moscow: YaSK.

22. Belyaev, Yu.A. (ed.) (1988) *Russkaya istoricheskaya povest'* [Russian Historical Novella]. Vol. 2. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.

23. Afanasiev, S.I. (2005) “Druz'ya moi...” (Novye biograficheskie svedeniya o litsakh pushkinskogo okruzheniya iz metricheskikh knig peterburgskikh pravoslavnykh khramov kontsa XVIII – nachala XIX v.) [“My friends...” (New biographical information about the persons of Pushkin's entourage from the Metrical Books of St. Petersburg Orthodox Churches of the late 18th and early 19th Centuries)]. In: Stark, V.P. (ed.) *Vremennik Pushkinskoy komissii* [The Periodical of the Pushkin Commission]. Vol. 30. St. Petersburg: Nauka. pp. 142–151.

24. The Scientific Research Department of Manuscripts of the Russian State Library. (n.d.) *Pis'ma E.A., M.A., A.A. Protasovykh i dr. k Zhukovskomu, 1808–1812* [Letters of E.A., M.A. and A.A. Protasov to Zhukovsky, 1808—1812]. Fund 104. Box 8. No. 17.

25. The Scientific Research Department of Manuscripts of the Russian State Library. (n.d.) *Pis'ma E.A., M.A. i A.A. Protasovykh k Zhukovskomu, 1803–1807* [Letters of E.A., M.A. and A.A. Protasov to Zhukovsky, 1803—1807]. Fund 104. Box 8. No. 16.

26. Moliere, J.-B. (1972) *Komedii* [Comedies]. Translated from French. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.

27. Buturlin, M.D. (1897) Zapiski grafa M.D. Buturlina, 1824–1827 [Notes of Count M.D. Buturlin, 1824–1827]. *Russkiy arkhiv*. 2(5). pp. 5–74.

28. Afanasiev, S.I. (2004) “Druz'ya moi...” (Novye biograficheskie svedeniya o litsakh pushkinskogo okruzheniya iz metricheskikh knig peterburgskikh pravoslavnykh khramov kontsa XVIII – nachala XIX v.) [“My friends...” (New biographical information about the persons of Pushkin's entourage from the Metrical Books of St. Petersburg Orthodox Churches of the late 18th and early 19th Centuries)]. In: Stark, V.P. (ed.) *Vremennik Pushkinskoy komissii* [The Periodical of the Pushkin Commission]. Vol. 29. St. Petersburg: Nauka. pp. 152–169.

29. Mironenko, S.V. (ed.) (1988) *Dekabristy: Biograficheskiy spravochnik* [The Decembrists. A Biographical Reference Book]. Moscow: Nauka.

30. Pleshcheyev, A.I. & Pleshcheyev, A.A. (n.d) *Pis'ma Alekseya Aleksandrovicha i Aleksandra Aleksandrovicha Pleshcheevykh k V.A. Zhukovskomu* [Letters of Aleksey

Aleksandrovich and Aleksandr Aleksandrovich Pleshcheyev to V.A. Zhukovsky, 1809–1841]. The Manuscript Department of the Institute of Russian Literature. No. 28208.

31. Orlya-Oshmenets, F.F. (1816) Raznye uveseleniya [Various amusements]. *Drug rossiyan i ikh edinoplemennikov oboego pola, ili Orlovskiy Rossiyskii zhurnal*. 5. p. 91.

32. P.M. (Yurkevich, P.I.) (1837) Aleksandrinskiy teatr [The Alexandrinsky Theatre]. *Severnaya pchela*. 105. p. 417.

33. Livanova, T. (ed.) (1963) *Muzykal'naya bibliografiya russkoy periodicheskoy pechati XIX veka* [Musical bibliography of the Russian periodical press of the XIX century]. Vol. 2. Moscow: Muzgiz.

34. N.N. (1832) Muzykal'naya bibliografiya. Ballady i romansy V.A. Zhukovskogo, polozhennye na muzyku dlya fortep'yano A.A. Pleshcheevym. Chast' I [Musical bibliography. Ballads and romances by V.A. Zhukovsky, set to music for piano by A.A. Pleshcheev. Part I]. *Molva*. 25. p. 97.

35. N.N. (1832) Muzykal'naya bibliografiya. Ballady i romansy V.A. Zhukovskogo, polozhennye na muzyku dlya fortep'yano A.A. Pleshcheevym. Chast' II [Musical bibliography. Ballads and romances by V.A. Zhukovsky, set to music for piano by A.A. Pleshcheev. Part II]. *Molva*. 41. p. 163.

36. Russia. (1828) *Mesyatsoslov s rospis'yu chinovnykh osob, ili Obshchiy shtat Rossiyskoy imperii na leto 1828 ot Rozhdestva Khristova* [The month book with the painting of officials, or the General staff of the Russian Empire for the summer of 1828 from the Birth of Christ]. Vol. 1. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences.

Информация об авторе:

Березкина С.В. – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: s.berezkina@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

S.V. Berezkina, Dr. Sci. (Philology), leading research fellow, Institute of Russian Literature (Pushkinskiy Dom) of the Russian Academy of Sciences (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: s.berezkina@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 15.11.2023;
одобрена после рецензирования 16.12.2023; принята к публикации 27.06.2024*

*The article was submitted 15.11.2023;
approved after reviewing 16.12.2023; accepted for publication 27.06.2024*